

«Я проведу ритуал Крестража за тебя, так как он очень сложный», - сказал Гарри мастер Петри, откидываясь на спинку своего деревянного стула. Дешевая, хлипкая штукавина выглядела так, будто могла проткнуть сидящего в ней человека в девяти разных местах, но на самом деле была зачарована так, что обеспечивала идеальную поддержку тому, кто в ней сидел. Гарри было разрешено сидеть на жестком, явно не зачарованном полу. «Но, - продолжал мастер Петри, - есть одна вещь, которую ты должен сделать сам, а именно - разделить свою душу».

Это немного насторожило Гарри, поэтому он услужливо спросил: «Как это сделать, сэр?»

«Ты совершаешь невыразимый поступок и принимаешь его. Обычно это убийство», - холодно объяснил мастер Петри. Гарри уставился на него, не совсем шокированный, ведь половина вещей, которые выходили из уст мастера Петри, были примерно на том же уровне ужаса. Тем не менее, это явно было возмутительно.

Гарри перевел дыхание, собрал все свое мужество, а затем сказал: «Я не могу этого сделать». Ему захотелось отвернуться, как только он это сказал, но, поймав темные глаза мастера Петри, он решил держать их вызывающе.

К его удивлению, мастер Петри не проклял его, не ударил и не сделал ничего из того, что он обычно делал, когда Гарри не слушался или не соглашался с ним. Вместо этого он просто ровно сказал: «Я знаю это. Мы можем поработать над этой слабостью позже. Пока же есть другие дела. Я считаю, что для тебя будет правильным убить единорога».

От слова «правильно» и чего-то столь ужасного, как «убить единорога», в одном предложении у Гарри заурчало в животе, но какая-то виноватая часть его не могла не признать, что это звучит гораздо лучше, чем убийство человека.

«А единороги разумны?» спросил Гарри. Ему нужно было узнать это в первую очередь.

Мастер Петри улыбнулся своей развратной улыбкой. «Нет», - был ответ, но Гарри понял, что у него нет способа подтвердить правдивость этого ответа. У мастера Петри были все основания солгать, если это не было правдой, так что вопрос и ответ на него были практически бесполезны.

Словно прочитав его мысли, мастер Петри вытянул свою палочку и резким щелчком вызвал тонкую книгу с одной из полок в задней части мастерской, за ящиками для бумаг. Он швырнул ее Гарри, который рефлекторно поймал ее и посмотрел вниз. «Свет Единорога», - гласило название. Свет Единорога.

Нерешительно Гарри снова поднял глаза на мастера Петри, пытаясь решить, что делать дальше. Он хотел принципиально отказаться делать что-либо, что можно было бы назвать «невыразимым», но это был не вариант. Мастер Петри, вероятно, был бы готов уничтожить миллион детей за пять тысяч галеонов. Более того, Гарри готов поспорить, что мастеру Петри не составит труда сделать нечто подобное просто ради забавы. Мысль была не из приятных,

тем более что она могла оказаться правдой. В любом случае, этот человек без малейшего стеснения заставит Гарри, возможно, изменив его разум или еще что-нибудь ужасное.

Книга в его руках. . . Мастер Петри предоставил Гарри выбор, который и так был более щедрым, чем обычно. Было бы глупо хотя бы не рассмотреть его.

«Я прочитаю книгу, а потом решу», - сказал Гарри, звуча более уверенно, чем он чувствовал.

В глазах мастера Петри промелькнуло что-то странное, и Гарри не успел даже предположить, что это может быть, прежде чем его осенило.

«Круцио!» Заклинание было произнесено с силой, не похожей ни на одно из других заклинаний мастера Петри. Вспыхнул красный свет. Гарри закричал прежде, чем почувствовал что-либо.

Оно заползло внутрь него, волна ужасного, обжигающего огня, и его легкие и рот наполнились песком, и было больно кричать, и он закричал от боли, но теперь у него не осталось поверхности, было слишком много, чтобы ухватиться, это было похоже на бессознательное состояние, это не могло быть сознанием, не могло существовать, не могло быть таким неумолимым и неотвратно хватающим, беспорядок удушливой путаницы, и...

Он остановился, и вечный миг рассыпался и угас, так что даже его преследующая хватка больше не могла его поймать. Гарри очнулся, словно от сна, или как будто вынырнул со дна неглубокого бассейна. Он чувствовал себя легким и тяжелым. Его голова и тело противоречили друг другу. Он облизал губы и проверил себя.

Не было ни песка, ни огня. Ему было хорошо, и то, как ему было хорошо, было худшим извращением в мире. Мастер Петри стоял сейчас там, столб тьмы над ним. Гарри посмотрел в глаза мастера Петри, увидел свет радости, полумесяц удовольствия и на бесконечно малый миг почувствовал ненависть. Затем она исчезла, затерявшись там же, где и боль.

Мастер Петри собрался. Гарри был уже собран, он лежал на спине, каким-то образом перевернувшись в конвульсиях. Ему не очень хотелось двигаться. Он спросил, почему, но только тихо.

Мастер Петри ответил: «Это другой метод. Он немного ненадежный. Никогда не знаешь, что сломается первым. Разум или душа?»

Почему-то, когда мастер Петри не спеша повторил свою фразу на немецком, все стало казаться сюрреалистичным. Гарри задрожал, все его тело неистово затряслось.

Миллион мыслей начали метаться в его голове, цепочки знаний и ужаса. Была одна мысль: Крестраж. Расщепление душ. Убийство. пытки.

«Используй проклятие», - сказал Гарри, и сырость в его горле удивила его. Он вспомнил, что кричал, и что крик был настоящим. «А это тоже работает?»

Его вопрос вызвал смех у мастера Петри. Это было неправильно. Гарри не хотел рассмешить этого человека.

«Может. Только если ты не сможешь забрать его обратно», - был ответ. Гарри задумался, что это вообще значит. Как можно вернуть что-то назад, когда это уже сделано? Он вспомнил, что мастер Петри говорил несколько минут назад о разрушении. Ему показалось, что он понял, возможно.

«Как долго я был... . под водой?» - спросил он.

«Пять секунд», - ответил мастер Петри.

Гарри почувствовал холод. Неужели прошло пять секунд? Всего пять секунд? Мир, казалось, навис над ним, темнея и увеличиваясь в размерах. Мастер Петри был невообразимо высок. Так прошло неопределенное количество времени в туманной путанице.

«Вставай!» - внезапно рявкнул мужчина, слегка отвернувшись. Приказ встать, ибо Гарри слишком долго позорно лежал на земле. Уголком глаза он видел кончик палочки мастера Петри, и ему было неприятно это признавать, но врать себе не было смысла. Он был напуган и бессилен. Он перевернулся на спину, чувствуя лишь небольшую боль в том месте, где его кости, должно быть, ударились о твердый пол, и поднялся на ноги, но не раньше, чем подобрал книгу Единорога, которая выпала из его рук ранее.

«Проклятие Круциатус, - начал мастер Петри, и измученный разум Гарри издал тихий крик протеста из-за необходимости постигать эти незнакомые слова, - это проклятие, которое подвергает жертву невыносимым мучениям».

То, что Гарри было знакомо слово «фолтер», свидетельствовало о том, с какими вещами мастер Петри имел дело ежедневно. пытка. Это было единственное слово, которое ему действительно нужно было знать, чтобы понять назначение Проклятия Круциатуса. Остальные слова немного помогали. «Невыносимая пытка» была правильной фразой, и она завершала концепцию. Простой боли можно было сопротивляться. Пэйн был не то же самое, что пытка. То, что может сломить одного человека, может рассмешить другого. Но никто не мог вытерпеть «мучительную» или принять ее за «пытку».

Зная это, Гарри не мог представить, что испытает его снова, хотя всего минуту назад попробовал его на вкус. Воспоминания уже были далекими и похожими на сон. Даже если бы он помнил все идеально, это было бы бессмысленно, просто путаница. Боль ушла, ее невозможно было сохранить в одно мгновение. Он вышел из этого состояния только с убеждением, что это не может повториться.

Причинить это чувство кому-то другому - это было бы еще хуже. Гарри не сомневался, что это было бы поистине невыразимо. Но даже Мастер Петри не мог заслужить такой непостижимой боли.

Внезапно, даже не открывая книгу в своих затекших руках, Гарри понял, что это единственный выход. Ему придется убить единорога.

Ему хотелось выбросить ее, эту бесполезную, бессмысленную книгу, но он понимал, что должен хотя бы прочитать ее, хотя бы для того, чтобы узнать, что там было. Этим он был обязан своей будущей жертве.

«Я сделаю это», - сказал Гарри, слегка протягивая книгу, чтобы показать, что он имеет в виду. Он даже сказал это по-немецки, чтобы показать, что имеет в виду именно это, пусть и некомпетентно.

«В конце концов, это просто животное», - ответил мастер Петри, каждое слово было четким и ясным, и его легко было понять.

В конце концов, даже люди - всего лишь животные, подумал Гарри. Но он ничего не сказал.

<http://tl.rulate.ru/book/121259/5067960>